

Анатолий Жилкин

Испытание верою

Москва 2016

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)
Ж 24

Жилкин А.

Ж 24 **Испытание верою.** – М.: Книга по Требованию, 2016. –
164 с.

ISBN: 978-5-519-49468-7

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может
быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без пись-
менного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN: 978-5-519-49468-7

© А. Жилкин, 2016
© Книга по Требованию, 2016

Предисловие

Современное поколение россиян не сильно уважает печатное слово, классическую и современную литературу. И поэтому особенно приятно отметить, что в море разнообразной информации, многочисленных детективов и книг фэнтези, порой откровенно антирусских исторических исследований не затерялась проза сибиряка Анатолия Жилкина.

В своих рассказах и повестях, таких как «Другие времена», «Беда, когда в поле лебеда», «Кулаки», «Учитель», «Пашка», он знакомит читателей со своими героями – людьми разных возрастов и профессий, которых объединяет одно редкое качество. Это качество называется просто – настоящая, искренняя, беззаветная любовь к Родине и своему народу.

Автор часто обращается в своих книгах к теме войны. И это не случайность. Ведь война – страшное испытание для любого человека. Но война, как лакмусовая бумажка, раскрывает все лучшие и, к сожалению, самые неприглядные черты личности человека. Таков и главный герой повести «Испытание верою» Александр Ярыгин. Через его жизнь автор даёт читателю представление о том непростом, трагическом времени, когда на первое место выходят честность, порядочность, чувство долга и любовь к своей Родине. Ярыгин прост и сложен одновременно. Я думаю, что судьба главного героя обязательно тронет ваши души.

Герои произведений Анатолия Жилкина – правдолюбцы, трудяги, порой хулиганы, люди с непростой судьбой, но они совершают, как правило, добрые поступки и живут так, как велит им их совесть, – честно и бескорыстно.

Язык сибирских жителей, героев прозы А. Жилкина, – моряков, солдат, охотников, потомков казаков, провинциальных интеллигентов – удивительно чист и сочен, музыкален и точен и, слава богу, мало засорён многочисленными неологизмами и компьютерным сленгом. Такой язык лучше помогает читателю понять наше

прошлое, вспомнить свои родовые корни, освежить историческую память. А ведь общеизвестно, что, не зная прошлого и не ценя настоящего, невозможно заглянуть в будущее.

Но я уверен, что будущее у прозаика, члена Российского союза писателей, Анатолия Жилкина есть, и ему ещё предстоит не один год знакомить нас со своими новыми героями и через свои книги вести непростой разговор о любимой и многострадальной России.

Николай Баженов, поэт, г. Усолье-Сибирское

Глава 1. Ранение

За спиной, будто у входа в преисподнюю, с шипением разверзлась земля. И в тот же миг страшная сила втянула внутрь тесной дыры. Грохота взрыва он не слышал – всё, что происходило вокруг, двигалось, как в замедленном немом кино. Чёрный земляной вихрь подхватил рыжие солдатские шинели, ноги в обмотках, каски со знакомыми лицами; закружил над окопом, разрывая на куски и растирая в порошок пулемётное гнездо и всех, кто только что прикуривал папиросы из отцовского портсигара младшего лейтенанта Ярыгина. Вихрь на глазах превращался в опалённое адским огнём исполинское дерево. Дерево росло – и доросло до серого неба, бурой грязью залепив поблёклое солнце.

«Вот оно как бывает: с подкуренной папироской... после пары затяжек и... и конец?..»

С неба посыпались останки пулемётного взвода. Липкая грязная тишина запечатала уши, глаза, рты... сердца: ни звука, ни отблеска снаружи; ни мыслей, ни ощущений внутри. Младший лейтенант машинально потянулся к кобуре, но тупая боль успела заморозить правую сторону тела – от виска до подмышки, – медленно, немой накатам поползла к ногам. «Ранен?.. Убит?..» — он покосился на правую руку. Руки на месте не было. Что-то там болталось на нитках, но это «что-то» не могло быть его рукой. Перебитая, посечённая десятками осколков она кое-как держалась на голубых жилках. Мокрый от крови и живой плоти рукав вот-вот оторвётся – тогда всё: его не найти, не вернуть, не приладить на место. «А руку? Где её потом искать?»

Командир пулемётного взвода, младший лейтенант Ярыгин (да просто Санёк) левой рукой бережно обернул остатки правой в подол гимнастёрки, конец подола намертво сцепил зубами. Незряче

оглянулся по сторонам и замер, оглушённый поглотившей передовую тишиной. Беззубая пасть преисподней дыхла потусторонним ему в лицо...

Он кое-как двинулся с места и медленно побрёл по чёрному лесу, опрокинувшему навзничь, в запёкшейся крови небо. От привкуса гари першило в горле; истлевшие в труху деревья горячей золой сыпались на голову; серый пепел кружил над мёртвым полем.

Ощущение обречённости валило с ног, прижимало к земле. Это первое после пробуждения ощущение останется с ним на долгие годы. «Лечь и провалиться в тартарары, уснуть и не проснуться – только бы ушла эта чёртова боль. Так и надо: лечь, скрутиться калачиком, как в детстве, прижать к груди покалеченную руку и уснуть... на веки вечные». Впереди маячила знакомая, родная фигурка.

– Мама!.. Мамочка! – испугался за мать Санёк.

– Иди за мной, не останавливайся! Иди, мой мальчик, уже скоро...

Мать шла (не шла – плыла) по зелёному в жарках и ромашках лугу, ковыль обнимал её босые ноги, небо было голубым, а воздух светлым... Он изо всех сил старался догнать маму. Но стоило ему ступить на зелёное, оно тут же превращалось в пепел. «Хочу к маме, хочу туда... на луг».

В какой-то момент ему удалось ступить на траву – все изменилось в тот же миг. Боль ушла – он стал лёгким, бестелесным. Мама подхватила его на руки, и они устремились ввысь за горизонт, обгоняя журавлиный клин... «Теперь я знаю: «там» хорошо».

Но его вернули. «Зачем?» Боль ледяным обручем сдавила грудь, в мозг снова влетали «разрывные». Они отрывали раскалённые куски черепа, и те, брызгаясь алым, падали под ноги.

«Это конец! И мне не страшно. Сколько раз я наблюдал за этим таинством со стороны, но чтобы изнутри... такое не припомню. Куда я иду? Ах да, в медсанбат. Руку не отдам! В тайге без руки гиблое дело. Мне тридцать один год! Кому я без руки?.. Засмеют...» А череп стеклянно дребезжал цветными осколками – от «разрывных» не спрятаться...

...Медсанбат расположился на окраине села в глубине яблоняного сада. Две палатки до отказа набитые ранеными красноармейцами выли, стонали, матерились, плакали.

– Я уми... – только и вымолвил Санёк, нос к носу столкнувшись с санитаром и военврачом, курившими у входа в палатку под набухавшей розовым цветом яблоней.

«Руку не тронь! Сохрани... Богом молю! Не тронь руку... Заклинаю!»

Санёк не помнил подробностей. Всё, что с ним происходило, наблюдал будто со стороны – на выпуклом, грязном экране. Он хорошо запомнил, как доктор, после того как распороли рукав гимнастёрки, предупредил:

– Не отрежем – помрёшь! С такими ранами не руку – жизнь бы сохранить.

Но Санёк не сдавался, стоял на своём, до конца сопротивлялся: «Сохрани руку! Лучше сдохну... Не дам... Заклинаю!»

Врач неожиданно сдался, заключив:

– Да и как такого калечить? У него фигура – любой Аполлон от зависти лопнет! Грузите в эшелон – и в Красноярск. На моей практике и не такие чудеса случались. Бог даст – выживет! А нет – с миром уйдёт, по своей воле и со спокойным сердцем. И я грех на душу не возьму. И так рубим, пилим, калечим... Конца и края не видать этой мясорубке. Пусть сибиряк поборется за свою судьбу. Такой кого хочешь уговорит. Может, он и для «неё» какие доводы в запасе держит – такие, что нам и не снились...

На прощание доктор посоветовал:

– Молись, младший лейтенант, крепко молись!

Весь путь до Красноярска Ярыгин и через десять лет не мог вспомнить, а чтобы сразу, после приезда, не могло быть и речи. Надолго... навсегда горящей занозой в мозг вошла тягучая боль в искалеченной руке. С этой болью невозможно было совладать в одиночку. «Обезболивающие» чуть приглушали пожар, но только на время. И снова во всём теле полыхало пламя. Беспамятство – желанная передышка – это были минуты забвения, когда мирные картины родного края наполняли сердце покоем. В такие часы и восстанавливались силы – зарождалась, крепла вера. Мозг отключал чувствительные рецепторы организма, давая возможность оценить свои силы, подготовиться к принятию окончательного решения. Какое же это было испытание! Соблазн в одночасье избавиться от изматывающей боли, но потерять руку. Или же скрежеща обломанными зубами, кусая в кровь потрескавшиеся губы, плача и воя, идти до конца. И выстоять! Шанс никакой, но он есть... – он должен быть! «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй! Заступись. Я твой на веки вечные! Спаси, Господи!» — шептал в бреду Ярыгин.

В источающих муках, в шаге от смерти, в забвении и при молниеносных вспышках озарения в его сердце зарождалось новое непривычное восприятие жизни. Это потом он с благодарностью будет вспоминать то непростое время. Пристально, день за днём, час за часом рассмотрит его с расстояния прожитых лет, осмыслит каждое услышанное слово, интонации, жесты. И радость! Радость от той встречи будет сопровождать его всю жизнь. Пожар с раненой руки перекинется на Санино сердце.

Прожить жизнь Ярыгину было уготовано в незатихающих спорах его совести с горячим сердцем. «Вот ведь незадача: и руку сберёг, и веру обрёл», — диву дивился Санёк.

Он не отступил – ему не стыдно. Он не будет краснеть, когда наступит торжественный момент и он – с глазу на глаз, без свидетелей – предстанет пред Ним...

Их доверие за долгие годы окрепнет настолько, что подвести друг друга ради сиюминутной слабости было бы по меньшей мере кощунством. Этого не случилось. Слава тебе, Господи! Так и будет потом, а пока...

Глава 2. Госпиталь

Накануне вечером санитарный поезд, притомившийся от многодневной гонки, остановился на конечной станции. «Красноярск!» — послышалось из тамбура. Ярыгин приоткрыл глаза. В мозгу тихонько, будто опасаясь разбудить задремавшую боль, мелькнула и сразу угасла беспрестанно точившая, как короед подсаченный ствол, коварная мысль: «Ну что, Санёк, пан или пропал?» Он вспомнил мать на ромашковом лугу и оборвал себя: «Будь что будет, скорей бы уж, что ли...»

Выгружали раненых аккуратно, со знанием дела: бережно укладывали на носилки; по трапу, из вагонов, на грузовики – и дальше. Было видно, что такая работа здесь не в новинку. Без лишней суеты, шума, понуканий медперсонал действовал слаженно и, насколько это возможно, быстро. Машины одна за другой, непрерывной вереницей, «под завязку» заполненные ранеными, отъезжали от перрона в направлении города.

С начала войны в госпиталях МЭН-49 все 10 000 коек непрерывно пополнялись тяжелоранеными. Санёк попал в эвакуогоспиталь 15-15, в котором главным хирургом трудился профессор Войно-Ясенецкий.

Почти сразу после прибытия в палату вошёл поп. Санёк вздрогнул и по привычке вдавил голову в подушку, будто хотел укрыться за бруствер окопа от непонятно откуда возникшей опасности. Ему почудилось, что изувеченная рука шевельнулась и по давней привычке потянулась к груди – креститься. Ярыгина как осенило: видать, батюшку пригласили для причастия безнадежных... и его в том числе. Он оглянулся по сторонам, но «безнадежные» на глаза не попадались, а совсем даже наоборот: с появлением попа соседи по палате повеселели, оживились. «Старожилы» все как один приподнялись с коек и, размахивая перебинтованными конечностями: кто рукой, кто ногой, кто тем и другим – наперебой принялись демонстрировать свои «исключительные» способности.

Приседали на корточки, сжимали и разжимали пальцы рук, отбрасывали костыли и на прямых ногах приплясывали на месте. Один за другим красноармейцы, не стыдясь слёз, благодарили бородача в поповской рясе:

— Доктор-батюшка, приросла нога, заживает рука – впору под гармошку плясать! А они ведь, супостаты, отнять собирались! – кивали бойцы в сторону группы медиков, сопровождавших бородастого хирурга.

— Дай Бог Вам здоровья, сил, терпения и... покоя – пропали бы без Вас!

«Служу Советскому Союзу!» — гаркнул Санин сосед по койке. Как выяснится позже, «Стёпа из Одессы». Он бодренько задирает к потолку и опускает на пол негнущуюся ногу. «А мне не больно и надо, чтоб она загибалась в шарнире. Я по жизни рыбак – мне вприсядку без надобности. Заместо шеста согдится – глубину буду мерить на отмелях».

А доктор, стоя посреди палаты в белом халате поверх рясы, с окладистой бородой и крестом на груди, внимательно присматривался к вновь прибывшим.

— Господь вас спас! Я только волю Его исполняю. Помните об этом.

Доктор, не отрываясь, глядел на лейтенанта. Потом приблизился к его кровати, наклонился, пристально посмотрел в глаза, приложил ладонь к раскалённому лбу, ощупал пульс и резко скомандовал: «Этого героя немедленно в операционную. Он до утра не дотянет. Немедля!».

А Саньку тихонько шепнул:

— Пан, конечно, пан! Не дрейфь, сибиряк, будет тебе чем креститься и жену свою ненаглядную чем обнять.

— Не женат я, доктор. Крещёный... это да... это так...

— А я приметил, как ты руку искал, чтобы крестом укрыться. Живая рука – к Богу тянется! Мне только и осталось не навредить – помочь тебе не сойти раньше времени, как ты мечтаешь, на зелёный в ромашках лужок. Выходит, успели мы! По всему видать – знаешь такие слова, что нам и не снились...

У Ярыгина от жара мозга шипели, будто шкварки на сковороде. В голове булькало, в ушах пузырьки лопались. Он метался, с трудом ворочая чёрными глазницами, и еле держался, чтобы не умереть прямо здесь, сейчас, в эту самую секунду. До него, сквозь завесу небытия, долетел тихий голос доктора, похожий на свежий порыв ветерка в полуденный зной на покосе. Когда взмокшую от пота рубаху охолодит прохладой, откуда ни возьмись, залетевший ветерок: взбодрит разгорячённое работой тело и, прошуршав в макушках